

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.3

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-150-167>

ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН? Ф. ЛАВРОВ И Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ

© Г.И. Хипхенов

Независимый исследователь, Инженер-технолог светопрозрачных конструкций,
664035, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Сурнова, 30.

Аннотация. Статья посвящена самым ярким, харизматичным советским командирам Сибирской Красной армии (1918 г.) Ф.П. Лаврову и Н.А. Каландаришвили, получившим неоднозначную характеристику в отечественной историографии. Дается оценка личности Н.А. Каландаришвили и Ф.П. Лаврова, их деятельности в начальный период гражданской войны. Впервые приводятся сведения о конфликте Ф.П. Лаврова с командующим Забайкальским фронтом С. Лазо. На основе новых архивных материалов рассматривается история создания и трансформации, а также боевой путь 1-го Иркутского кавалерийского дивизиона интернационалистов-анархистов (его командиры и рядовой состав, включавший и лиц с уголовным прошлым) и 1-го Омского международного пролетарского отряда, их участие в боевых действиях на Нижнеудинском и Прибайкальском фронтах. Показаны отрицательные последствия создания отдельных самостоятельных вооруженных формирований (анархистского и интернационального), их самостийность, неподчинение высшему командованию, сепаратные выступления вплоть до попыток военного переворота. Реконструированы события в Троицкосавске в условиях разгрома Сибирской Красной армии в конце августа 1918 г., фактическое предательство красных мадьяр и обстоятельства гибели Ф.П. Лаврова.

Ключевые слова: гражданская война, Ф.П. Лавров, Н.А. Каландаришвили, 1-й Омский международный отряд, 1-й Иркутский кавдивизион, интернационалисты, мадьяры, анархисты, Забайкальский фронт, Нижнеудинский фронт, Прибайкальский фронт, Троицкосавск.

Информация о статье. Дата поступления 10 июня 2018 г.; дата принятия к печати 16 июля 2018 г.; дата онлайн-размещения 29 сентября 2018 г.

Формат цитирования. Хипхенов Г.И. Герой должен быть один? Ф. Лавров и Н. Каландаришвили // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 150–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-150-167

A HERO SHOULD BE ONE? F. LAVROV AND N. KALANDARISHVILI

© G.I. Hiphenov

The engineer-technologist of translucent constructions,
30 Surnova Str., Irkutsk 664035, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the most brilliant, charismatic Soviet commanders of the Siberian Red Army (1918) F.P. Lavrov and N.A. Kalandarishvili, who received an ambiguous character in Soviet historiography. Here is the estimation of N.A. Kalandarishvili and F.P. Lavrov, and their activities during the initial period of the Civil War. The information about the conflict Lavrov with the commander of the Transbaikal Front S. Lazo is given for the first time. On the basis of new archival materials, the history of the creation, transformation and combat path of the 1st Irkutsk Cavalry Division of the internationalists – anarchists (its commanders and rank-and-file members, including persons with a criminal background) and the 1st Omsk International Proletarian Detachment, their participation in the military operations at Nizhneudinsk and the Baikal fronts. The negative consequences of the creation of separate independent armed units (anarchist and international), their independence, disobeying the higher command, separate speeches up to attempts of a military coup are shown. The events in Troitskosavsk were reconstructed in the conditions of the defeat of the Siberian Red Army in late August 1918, the actual betrayal of the Red Magyars and the circumstances of the death of F.P. Lavrov.

Keywords: The Civil War, F.P. Lavrov, N.A. Kalandarishvili, 1st Omsk International Division, 1st Irkutsk Cavalry Division, internationalists, Magyars, Anarchists, Transbaikal Front, Nizhneudinsk Front, Pribaikalsk Front, Troitskosavsk

Article info. Received June 10, 2018; accepted for publication July 16, 2018; available online September 29, 2018.

For citation. Hiphenov G.I. A hero should be one? F. Lavrov and N. Kalandarishvili. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* = Journal of Ancient Technology Laboratory, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 150–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-150-167. (In Russian).

Существует мнение, что не может быть героев в гражданской войне. Ведь такого рода вооруженный конфликт является трагедией как для государства в целом, так и для каждого его участника в отдельности. Убийства, террор, жестокость, месть, все низменные инстинкты, вырывающиеся наружу во время братоубийственной войны, действительно ставят под вопрос, можно ли называть ее участников героями.

Тем не менее, во все времена и всем народам герои были нужны, как пример для молодежи и образец для подражания. Не стала исключением и Советская Россия, для которой Революция 1917 г. и Гражданская война стали и колыбелью, и муками рождения, ей нужны были свои герои, причем они должны были быть «кристально чистыми» и безукоризненно праведными. В тоталитарном государстве и не могло быть по-другому. Такие герои были созданы, их имена стали известны каждому школьнику, они были обласканы вниманием властей и увековечены в памяти народа.

Однако при смене государственного строя и идеологии неизбежно меняются и герои, и чем выше было их величие и неприкосновенность, тем большая глубина падения им предстоит. Поэтому неудивительно внимание постсоветских исследователей к героям Революции и Гражданской войны, но стремление к разрушению героизации и мифотворчества в некоторых случаях приводит к перегибам и искажению действительности в обратную сторону, и тогда вчерашние герои предстают уже в роли последних негодяев. Самым известным подобным примером в нашем регионе являются Н. Каландаришвили и Ф. Лаврова, судьбы которых в далеком 1918 г. волей случая трагически переплелись.

Несмотря на то, что они оба возглавляли крупные советские вооруженные формирования и принимали активнейшее участие в военных действиях против белогвардейцев и чехословаков, один

из них вошел в пантеон советских героев Гражданской войны, его именем названы улицы городов, а другой был назван предателем и на долгое время забыт. Только в 1970-е гг. историк В.С. Познанский усомнился в вине Ф. Лаврова и попытался его реабилитировать (Познанский, 1973. С. 140–142). Интерес к его личности актуален и в наши дни (Новиков, Романов, 2011; Штырбул, 2015). При этом падает тень на «настоящего» героя Н. Каландаришвили, как непосредственного виновника его гибели.

Так кто же был героем, а кто нет? Ответ могут дать лишь новые изыскания и источники, а биографии даже самых известных краскомов нуждаются в переосмыслении и должны быть переписаны без идеологии и пафоса с большим вниманием к личным качествам, повседневной жизни, детализацией боевых эпизодов.

Нестор Каландаришвили и 1-й Иркутский кавалерийский дивизион интернационалистов-анархистов

Нестор Александрович Каландаришвили (в 1918 г. 42 года), участник Гурийского восстания 1905 г., анархист, скрываясь от властей, переехал в Сибирь и проживал до революции в Иркутске. Род занятий его еще недостаточно изучен, но были в нем и связи с уголовным миром, и увлечение искусством, в частности, фотографией (рис. 1–2).

Историк-криминалист А. Сысоев в 2008г. впервые обратил внимание на криминальную сторону дореволюционной деятельности будущего легендарного партизана (Сысоев, 2008). По его мнению, Н. Каландаришвили входил в криминальную группу, занимавшуюся вымогательством, фальшивомонетчеством, заказными убийствами и грабежами. П.А. Новиков и А.М. Романов также придерживаются версии, что участие в революции и установлении Советской власти стали для грузинского дво-

рянина лишь удобной «ширмой» для преступной деятельности (Новиков, Романов, 2011).

Представляется весьма заманчивым открыть темную сторону героя Гражданской войны, но поиск информации привел к довольно неожиданной находке. Это публикация в газете «Иркутская жизнь», содержащая письмо от группы жителей Тихвинской, Харлампиевской, Баснинской и Амурской улиц, выражавших признательность Н. Каландаришвили, «благодаря самоотверженности которого» они спаслись и спасли часть своего имущества. С помощью его отряда погорельцы эвакуировались из района боев в Знаменский монастырь (Иркутская жизнь, 1918). Оказывается, что «уголовник» Каландаришвили и его «Тихвинский» отряд не только грабили и убивали мирных граждан, но и оказывали некоторым из них помощь. Впрочем, для объективности нужно сказать, что в поздних письмах его соратников встречаются и такие строки: «перешли реку Ангару, вошли в город, уничтожали богачей, сожгли их дома, магазины, рассчитались с белыми и меньшевиками» (ГАРБ¹. Ф. Р-350. Оп.1. Д. 54. Л. 141). Была ли это правда или некая бравада, сейчас сложно установить.

Связи с уголовными, конечно, были, но различить чистую уголовщину с экспроприациями и террором политического оттенка, неразрывно связанных с историей революции, весьма непросто. Известен факт личного участия Н. Каландаришвили 26 января 1918 г. в компании с руководителем профсоюза В. Чайвановым в попытке силового взыскания 5 % налога с владельца кинематографа Дон-Отелло в пользу профессионального союза работников музыки, театра и зрелищ (Новая Сибирь, 1918. № 9). Правда, по версии советской стороны эти действия производились по согласованию с ними, а Дон-Отелло был нетрезв, смял удостоверение Каландаришвили и бросил ему в лицо (Власть труда, 1918. № 20).

Однако вскоре темпераментному грузину нашлось и более достойное применение: «Гражданам Нестору Каландаришвили, Александру Караеву, Джимшету Асатиани (рис. 3), Георгию Шарма-

Рис. 1. Н. Каландаришвили с дочерью «личного» фотографа С. Назьмова (Иркутск, 1914–1918 гг.)
Fig. 1. N. Kalandarishvili with the daughter of a “personal” photographer S. Nazh’mov (Irkutsk, 1914–1918)

Рис. 2. Н. Каландаришвили (Грузия, 1900–1905 гг.)
Fig. 2. N. Kalandarishvili (Georgia, 1900–1905)

¹ Государственный архив Республики Бурятия.

занову, Георгию Апхадзе разрешено формировать «отдельный интернациональный эскадрон в городе Иркутске» (Сибирская рабоче-крестьянская газета, 1918).

Нужно признать, что первое время советские военные власти к проверке кандидатов на роль будущих красных командиров относились весьма формально, либо вовсе ее не проводили. Так, не беря во внимание самого Каландаришвили, как минимум еще двое в этом списке имели темное прошлое. А. (Анзор) Караев, известный еще по «делу Бейлиса», в 1917 г. оставил длинный шлейф криминальных походов в Красноярске (Свободная Сибирь, 1917). В августе 1918 г. он участвовал в ограблении Читинского госбанка и золотом купил помилование и теплое место при атамане Г. Семенове, впрочем, ненадолго. Шармазанов был заключен в Иркутскую тюрьму 15 апреля 1917 г. по обвинению в покушении на жизнь некоего А.С. Ильюшина и уже 23 апреля подал прошение о зачислении добровольцем в школу прапорщиков или в действующую армию (ГАИО². Ф. Р-157. Оп. 2. 1917 г. Литера «Ш»). В мае 1918 г. он был убит в перестрелке с милицией.

Не удивительно, что и рядовой состав будущего анархистского отряда был сильно криминализован. Одним из любимых занятий эскадронщиков, кроме реквизиции лошадей (по нынешним реалиям – автомобилей), было вымогательство денежных средств за «контрреволюционную деятельность». Обычно анархисты, узнав о встрече состоятельных горожан за игрой в карты, навывали на квартиру и вынуждали игроков откупаться, грозя в противном случае арестовать их за контрреволюционное сборище. В одном из подобных эпизодов участвовал будущий автор воспоминаний о Каландаришвили М. Церетели (Церетелли, 1965) (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 84. Л. 76). За другой такой же эпизод в августе 1918 г. был расстрелян полуэскадронный 2-го эскадрона, бывший подпоручик А. Сокольников (РГВА³. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 350. Л. 19). Нередко в кавдивизион вступали лица, скрываясь от преследования за совершенные преступления. Так, цирковой борец В. Аранович

² Государственный архив Иркутской области.

³ Российский государственный военный архив.

Рис. 3. М. Асатиани и И. Кигурадзе, соратники Н. Каландаришвили по Грузинской дружине и Иркутскому кавдивизиону (Иркутск, 1917 г.)
Fig. 3. M. Asatiani and I. Kiguradze, colleagues N. Kalandarishvili for the Georgian squad and the Irkutsk Cavalry Division (Irkutsk, 1917)

поссорился во время партии в бильярд и ударом шара убил оппонента. Он избежал ответственности, прибежав в кавдивизион и записавшись в его ряды (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 21. Л. 16). Анархисты не только не выдавали своих милиции, но и в ряде случаев сами преследовали представителей правопорядка. Нередко они творили произвол в центре города среди бела дня, как это было при убийстве князя Эрестова: «по рассказу Чеквиладзе и Титова, они хотели реквизировать у Эрестова лошадь... Эрестов запротестовал, что лошадь принадлежит не ему, а грузинской дружине, но это не помогло, они хотели взять лошадь насильно. Эрестов вынул револьвер и стал стрелять вверх. Тогда Титов выбежал на барахолку, опустился на колени, снял винтовку и выстрелил в Эрестова. Пуля попала Эрестову в шею, а Чеквиладзе стрелял в Эрестова с улицы из-за столба. Было выпущено несколько пуль, которыми они тяжело его ранили. От ран он

впоследствии умер в больнице» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 25. Л. 47). Следует ли говорить, что убийцы не понесли никакого наказания.

Весной 1918 г. 1-й Иркутский кавалерийский дивизион интернационалистов анархистов был организован в составе трех эскадронов под общим начальством Н. Каландаришвили (в некоторых документах назван командиром 2-го эскадрона). Командирами были выбраны: комэск-1 А. Кожан (бывший есаул из кубанских казаков, сослан в Сибирь как анархист) (рис. 4), комэск-2 Г. Рожко (бывший штабс-капитан), комэск-3 А. Караев. В мае на Забайкальском фронте комэском-2 так же называют известного анархиста Е. Пережогина. Костяк формирования составила наиболее радикальная часть расколовшейся Грузинской боевой дружины, уже принимавшая участие в декабрьских боях в составе так называемого «Тихвинского» отряда. Штаб-квартирой дивизиона стало здание бывшей Духовной семинарии на Успенской площади рядом с казармами Иркутской казачьей сотни. Кавалеристы-эскадрончики хорошо запомнились иркутянам: «К числу советских сил в Иркутске мог быть отнесен в это время и конный отряд анархистов... Составленный из проходимцев разного рода и некоторого числа военнопленных, отряд спешно формировался в Иркутске, реквизируя лошадей у состоятельных горожан. Поистине жуткое впечатление производили на жителей эти большевистские кавалеристы, когда они шли парадным маршем по улицам города, победоносно поглядывая кругом...» (Серебренников, 2003. С. 327). «...Когда он [командир эскадрона А.П. Кожан] появлялся со своим эскадром на улицах Иркутска, люди останавливались и говорили: Черт едет со своими чертенятами, из-под копыт искры летят. Это анархисты Каландаришвили...» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 40. Л. 91).

Была у анархистов и своя символика. По ряду свидетельств, они носили на левом рукаве черную пятиконечную звезду. В одном случае также упоминаются «...анархисты со значками черепа на левой руке...» (РГАСПИ⁴. Ф. 70. Оп. 1. Д. 677. Л. 5).

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории.

Рис. 4. Анархист А. Кожан, командир 1-го эскадрона (1919 г.)

Fig. 4. Anarchist A. Kozhan, commander of the 1st squadron (1919)

По свидетельству Д. Шилова, правую руку Каландаришвили Е. Пережогина «...часто можно было видеть в Иркутске, скачущим во весь опор на белом коне с развевающимся черным знаменем на коротком древке и устремленным вперед полубезумным взглядом...» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 173. Л. 43 об). Как вспоминал В. Медвяцкий, на одной стороне знамени было написано «Первый Иркутский отдельный кавалерийский дивизион анархистов-коммунистов интернационалистов», на другой стороне «Анархия – мать порядка» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 25. Л. 66).

Внешность Н. Каландаришвили в этот период отличалась от того образа, что сложился в более поздние годы. В 1918 г. он «...выглядел молодым и не носил бороды» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 84. Л. 19). «На Забайкальском фронте он был одет в кожаный костюм: тужурку, брюки и фуражку. В Кяхте он был одет в кожаный замшевый тисненый

Рис. 5. Бойцы 2-го эскадрона кавдивизиона В.Н. Шаратский и Колосков перед отправкой на Забайкальский фронт (Иркутск, май 1918 г.)

Fig. 5. Soldiers 2nd squadron of the cavalry division V.N. Sharatsky and Koloskov before being sent to the Transbaikal Front (Irkutsk, May 1918)

темно-зеленого цвета костюм-френч и брюки бриджи» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 25. Л. 31).

В мае 1918 г. Иркутский кавдивизион был отправлен на Забайкальский фронт (рис. 5)⁵. Согласно советской историографии, он героически участвовал во всех боевых операциях от р. Онон до ст. Борзя (Кожевин, 1971. С. 34).

Однако председатель Военно-революционного штаба Забайкалья Д. Шилов описывает ситуацию иначе (в официальной публикации воспоминаний весь этот абзац вырезан): «Отрядом анархистов в 400 человек на Восточно-Забайкальском фронте командовал Каландаришвили. Это был высокий немолодой уже человек с сумрачным взглядом черных глаз, обладавший, несомненно, большой личной храбростью и большим наличием воли и упрямства. Он пользовался непререкаемым авторитетом в своем отряде, его боялись. Тем более его вина, что этот отряд был не только самым недисциплинированным на всем фронте, но это был,

по существу, не военный отряд, а буйное скопище, шайка вооруженных людей, точной численности которой не знал и сам Каландаришвили, так как одни люди приходили, убегая от дисциплины из других отрядов, другие также свободно уходили. В каком-то небольшом ядре этого отряда была кучка людей, которые держали в голове какие-то необычайно путаные идеи анархизма, анархистской “убежденности”, но огромное большинство прочих “анархистов” в отряде решительно никаких “идей” и “убеждений” не имело, и иметь не могло, кроме одной: потешить свою волюшку и найти себе добычу и в тылу, и на фронте, по возможности поменьше рискуя головой. Но на фронте достать добычу, не рискуя головой, было трудно. Поэтому анархисты предпочитали действовать не на фронте, где они всегда были самые последние, а в прифронтовой полосе и в тылу, где они занимались открытым и смелым мародерством, не имея соперников...» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 173. Л. 15–18). Также Д. Шилов обвиняет Н. Каландаришвили в попытке самосуда над начхозом кавдивизиона

⁵ Иркутский областной краеведческий музей.

Костомацким, захвате 2 пулеметов другого отряда и нецензурных угрозах убийством в адрес начальника штаба фронта А. Рускиса, потребовавшего вернуть пулеметы. Были даже предложения разружить отряд, но опасаясь возможного недовольства других анархистских частей и лидеров, от этой затеи пришлось отказаться. В это время на западе выступили чехословаки, и 1-й кавалерийский дивизион в июне 1918 г. был отправлен назад в Иркутск.

Феодосий Лавров и 1-й Омский международный пролетарский отряд

«Гражданин Великих Лук» Феодосий Петрович Лавров, которому в 1918 г. было 24 или 27 лет (ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 2. 1918. Литера «Л»), в Первую мировую войну служил рядовым связистом в 4-м саперном батальоне генерал-адъютанта графа Тотлебена. Был награжден георгиевским крестом 4-й степени: «За то, что в бою 22 сентября 1916 г., находясь на важном наблюдательном пункте начальника 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, под сильным действительным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, с явной опасностью для жизни, держал непрерывную связь с наблюдательным пунктом командира корпуса, проявив при этом выдающееся мужество и хладнокровие» (Патрикеев, 2014. С. 272). В 1917 г. левый эсер прапорщик Ф. Лавров (рис. 6) принял активное участие в установлении советской власти в Омске и в декабре того же года был избран вторым заместителем председателя президиума Омского Военно-окружного комитета (Баталов, 1978. С. 206). Малоизвестный факт, но именно Ф. Лавров был автором первого проекта «формирования отряда на помощь революционным вой-

*Рис. 6. Ф. Лавров (Омск, начало 1918 г.)
Fig. 6. F. Lavrov (Omsk, early 1918)*

скам, действующим против есаула Семенова». Предлагалось немедленно, к 1 марта 1918 г., организовать сводный отряд численностью не менее полка из 14 рот (7 красноармейских и 7 красногвардейских) из всех крупных сибирских центров от Омска до Иркутска с командами связи, саперами, бомбометчиками и артиллерией (Власть труда, 1918. № 29).

С 19 марта 1918 г. Ф. Лавров лично возглавил 1-й Омский международный пролетарский отряд, отправленный на Забайкальский фронт. Данный отряд был самым крупным (500–600 чел., преимущественно бывшие военнопленные венгры-мадьяры), хорошо организованным и боеспособным. Его командир сразу занял место среди высшего военного руководства Забайкальского фронта: 6 апреля 1918 г. Ф. Лавров входит в состав советского представительства на переговорах с китайской делегацией на ст. Мациевская (Власть труда, 1918. № 65). В конце апреля в бою под Борзей во время второго наступления Особого Манчжурского отряда есаула Г. Семенова Ф. Лавров отличился, спасая брошенные артиллеристами орудия (Известия Сибирского военного комиссариата, 1918. № 1).

Однако затем между командиром 1-го Омского отряда и командующим фронтом С. Лазо произошел конфликт. Его обстоятельства были до сих пор неизвестны. Авторитетный советский историк В.С. Познанский даже сомневался в его достоверности, считая, что Э.Ф. Шрейбер в своих воспоминаниях перепутал отряды, когда писал о том, как на митинге 15 мая 1918 г. на ст. Адриановка С. Лазо «гневно клеймил Лаврова» (Познанский, 1973. С. 140–142). Эта ошибочная версия привела к выводу, что во время форсирования Онона и взятия ст. Оловянная Ф. Лавров находился в первых рядах штурмующих, тогда как на самом деле, согласно выявленным документам, в это время (17–31 мая) он находился в качестве арестанта в Иркутской тюрьме (ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 2. 1918. Литера «Л»). Что же произошло?

По прибытии на Забайкальский фронт Ф. Лавров занял несколько обособленную и независимую позицию. Причиной этого могли быть как личные амбиции, так и знакомство с обстановкой и

состоянием других вооруженных формирований, на фоне которых 1-й Омский отряд во всех отношениях отличался в выгодную сторону.

Понимание причин конфликта вносит фрагмент ранее не публиковавшейся записи прямых переговоров 29 апреля 1918 г.:

«Чита – у аппарата Лазо, Шилов. Говорите, положение дел? ...

[Лавров со ст. Оловянная дает оценку ситуации]...

Чита – сейчас выезжаем в Оловянную. Имеются ли у вас точные сведения о силах, наступающих на Бырку? Ваше решение боя под Быркой?

Оловянная – наше решение боя под Быркой не принимать, отойти. Оловянинские позиции привести состояние обороны.

Чита – обратите внимание, чтобы с беженцами не убежали красногвардейцы. Везу 19 новых пулеметов “кольта”».

Оловянная – а пушек и артиллеристов не везете?

Чита – ничего не везу. Со мной едет отряд Томской красной армии 150 человек, 4 “максима”. Везу двухверстки всего Забайкалья южнее Читы. Как обстоит у вас дело с продовольствием?

Оловянная – у меня хорошо, у ваших – плохо.

Принят 29/4 9 ч. утра» (ГАРФ⁶. Ф. 342. Оп. 1. Д. 24. Л. 43–51).

Даже спустя 100 лет от последней фразы настолько коробит, что реакция Лазо и Шилова не оставляет сомнения. С этого момента их отношения с Лавровым портятся и в финале приведут к отъезду последнего в Иркутск и отдачу под суд.

В первых числах мая 1918 г. 1-й Омский отряд был отведен в Сретенск и занимался там пополнением из числа военнопленных местного лагеря. Дальнейшие события восстановлены по архивным документам (телеграммы 10–14 мая).

Помощник Лаврова П. Глос, занимаясь снабжением отряда, лично выезжал в Иркутск за пополнением, оружием, боеприпасами, обмундированием и сопровождал эшелоны с полученным назад в Забайкалье. Лавров, считая, что все снаряжение выделено только для его отряда, вполне

справедливо требовал отчетности и беспрекословного подчинения от своего помощника. Между тем Глос получил распоряжение от Лазо, как командующего фронтом, задержать эшелоны в Адриановке и передать в распоряжение фронта. Глос, оказавшись между двух огней, выбрал подчинение Лазо и не доставил груз в Сретенск. Разгневанный Лавров сначала выносит своему помощнику выговор, затем грозит расстрелом и, наконец, требует от Лазо высылки Глоса в его распоряжение, в противном случае предупреждает, что выступит со всем отрядом в Адриановку.

По жалобе Лазо Сибирский военный комиссариат вынес решение отстранить Лаврова от командования отрядом и выслать в Иркутск под охраной. Лавров сначала сомневался, но все же выехал один в Адриановку, но узнав об отстранении, отправил телеграмму отряду немедленно явиться в его распоряжение. Хотя телеграмма и была перехвачена, но отряд прибыл. Однако к этому времени Ф. Лавров был уже отправлен в своем вагоне в сопровождении комиссара В. Армакова в Иркутск. Инцидент удалось исчерпать без эксцессов (ГАРФ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 24. Л. 2–36).

Неизвестно, как бы сложилась судьба Лаврова, но обстоятельства были в его пользу. Выступление чехословаков, преобладание других «омичей» в Сибвоенкомате, настроения в 1-м Омском отряде, все вкупе внесли свои корректировки, и Ф. Лавров не только был освобожден из-под стражи решением Ревтрибунала, но и назначен со 2 июня 1918 г. приказом № 1 военно-революционного штаба командующим Нижнеудинским фронтом (Власть труда, 1918. № 106).

От Нижнеудинска до Верхнеудинска

Лавров немедленно приступил к новым обязанностям и выехал в г. Зима, назначенный центром формирования нового фронта. В течение двух недель к 20 июня 1918 г. под руководством Ф. Лаврова, его заместителя А. Канторовича и начальника формирований И. Ботко было организовано, вооружено и прошло минимальную подготовку 8 красногвардейских рот общим числом около 2 000 чел. (5 Черемховских, Зиминская, Барнаульская и Охранная рота Центросибири). Кроме

⁶ Государственный архив Российской Федерации.

этого, прибыл 1-й Омский пехотный батальон (в него вошли интернационалисты 1-го, 2-го и 4-го Омских и Сретенского отрядов). Его численность можно условно принять в 1 000–1 500 чел. В распоряжении фронта имела артиллерия, пулеметные команды, 2–3 импровизированных бронепоезда и 2 броневедомости «Фиат-Ижорец» из 7-го бронированного автомобильного отряда, прибывших в конце мая из Петрограда (3-й броневедомость находился в Иркутске).

По окончании перемирия 16 июня, начались военные действия на Нижнеудинском фронте. Красногвардейские отряды наступали по линии железной дороги, мадьяры и броневедомости по Московскому тракту. 21 июня советские части атаковали станцию Худоеланская и нанесли поражение передовому отряду чехобелых, 24 июня красные атаковали Нижнеудинск, но время было упущено. Буквально накануне в город подошли передовые части чехов во главе с капитаном Р. Гайда, освободившиеся после взятия Красноярска. Всего чехобелым удалось сосредоточить к моменту боя около 2 000 чел. Кроме того, каждый последующий день к ним подходили с запада подкрепления и вскоре перевес сил изменился в обратную сторону.

План сражения, задуманный Ф. Лавровым, признал хорошим даже его противник Р. Гайда. Пока красногвардейские отряды повели наступление через железнодорожный мост через р. Уда, лучшие силы – мадьяры 1-го Омского батальона при поддержке броневедомостей атаковали по тракту в направлении Военного городка. Здесь разгорелся ожесточенный бой и к вечеру чехи были вынуждены бросить окопы и отступить в город.

Однако плохо подготовленные красногвардейцы, наступавшие по железнодорожной линии, не выдержали огневого контакта и начали отступление, переходящее в бегство. Как вспоминал красногвардеец Долгих, «...недостатком их служило отсутствие дисциплины, неумение владеть оружием, а также и трусость. Был очевидцем, как бросившие фронт бежали одиночками босиком, бросив оружие, чем разлагали и остальных. Также лично при мне командир отряда Лавров ловил подобных воинов, обувал, вновь вооружал и отправлял в отряд на фронт. В таком положении продер-

жались не более суток...» (ГАНИИО⁷. Ф. 300. Оп. 1. Д. 494. Л. 60 об).

Боевые действия затихли 25 июня. Советские войска отступили на 12 верст и заняли позиции на 1272-й версте железнодорожной линии. Чехобелые получили новые подкрепления (русские части Средне-Сибирского корпуса под командованием А. Пепеляева) и 26 июня перешли в контратаку, нанесли поражение и отбросили красных. Советские войска стали быстро откатываться на восток, не оказывая сопротивления. Ответственность в поражении легла на командующего. С этого времени возникают устойчивые слухи о предательстве Ф. Лаврова. Этому способствовали и листовки белых, в которых указывалось, что командующий фронтом Лавров бежал, бросив свои войска. Дошло даже до попыток расправиться с ним: «...на ст. Половина произошел конфликт между русскими красногвардейцами и мадьярами на почве того, что русскими был арестован командующий фронтом Орлов [Лавров], якобы за измену, но мадьярами был освобожден. Мадьяры подготовились для отражения в случае нападения красногвардейцев...» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 430. Л. 4).

Во время описанных событий 1-й Иркутский кавалерийский дивизион вернулся из Забайкалья в Иркутск. Два эскадрона (А. Кожана и А. Караева) были отправлены под Нижнеудинск, но в каких именно операциях они были задействованы неизвестно. А. Караев в этот период «откололся» от Каландаришвили и в дальнейшем действовал самостоятельно (Кожевин, 1971. С. 36). Сам Н. Каландаришвили с эскадронами Г. Рожко остался в Иркутске, проводил мобилизацию людского и конного состава. В начале июля анархисты выезжали на подавление мятежей в Иркутском уезде, в Хомутово, Оёк, Урик, Грановщину и участвовали в арьергардных боях по Якутскому тракту (Иркутские дни, 1918; Сибирь, 1918; Свободный край, 1918. № 32; Байбородина, 1977. С. 138–141).

В день падения советского Иркутска (11 июля 1918 г.) отряды анархистов одними из последних покидали город. При этом имело место несколько боестолкновений с милицией и выступившей во-

⁷ Государственный архив новейшей истории Иркутской области.

енной организацией: у 2-го и 4-го комиссариатов милиции и у здания бывшей Духовной семинарии.

Утром около 10 ч отряд анархистов пришел в городскую тюрьму, разоружил охрану, разграбил тюремное имущество (в этом приняли участие и жители Рабочей слободы), были выпущены все заключенные (около 500 чел.) (Свободный край, 1918. № 18). Согласно воспоминаниям К. Байкалова (Некундэ), это были анархисты во главе с Каландаришвили: «...я был очевидцем, как Каландаришвили и его отряд перед оставлением города вломились в тюрьму и освободили всех арестованных Советской властью преступников и тут же сразу приняли в свой отряд около 150 человек добровольцев из освобожденных...» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 329. Л. 11).

После оставления Иркутска кавалерийский дивизион Каландаришвили и 1-й Омский батальон Лаврова были переброшены на южный берег Байкала в район Култука и Слюдянки. Здесь оба отряда занимали крайнее левое крыло советских позиций и при неясных обстоятельствах первыми отступили в тыл, бросив свой участок и оголив фланг. Красногвардеец П. Попов так вспоминает об этом эпизоде: «...Не помню какого числа, ночью мадьяры снимаются с фронта и уходят ... левый фланг остается голым. И утром мы слышим ружейные выстрелы у себя в тылу... Оказывается, действительно, левый фланг голый. ... отступили, ушли мадьяры, за ними отходит отряд Каландаришвили, остается небольшой китайский отряд и 2-й Черемховский отряд. Здесь нам ничего не оставалось, как быстро отступить от Култука... Правда, версты 1,5–2 не доходя Слюдянки нас встречают грубые крики и оштинившиеся на нас винтовки – это оказались мадьяры. Лавров в центре их, лупит плетью красногвардейцев. ... Когда отступали мадьяры, они расположились на оборону около Слюдянки, причем было очень неудачное низкое место, а потом Лавров решил восстановить фронт благодаря нагайке и всех отступающих красногвардейцев он избивал плетью, ему помогали человек 5–6 мадьяр, которые лупили самым настоящим образом красногвардейцев. Он приказывал немедленно остановиться, занять оборону, а сами говорят – мы устали,

пойдем в тыл. Этот номер им конечно не удался...» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 404. Л. 21–22).

Под Култуком 1-й Омский батальон и 1-й Иркутский кавдивизион последний раз участвовали в боях в составе объединенных советских сил. На почве военных неудач и обвинений в неорганизованности, слабой дисциплине и оставлении позиций, оба командира со своими отрядами фактически вышли из подчинения высшего военного руководства и оставили район боевых действий, отступив в глубокий тыл. Формально их перебрасывали для прикрытия троицкосавского направления, но по сути это было вынужденное избавление от неуправляемых, ненадежных подразделений. В этот период 1-й Омский батальон был объединен с Ангарским интернациональным батальоном и получил наименование 1-го Сибирского интернационального стрелкового полка. В дальнейшем его чаще называли отрядом Лаврова или просто мадыарским отрядом.

При спешном отступлении от Слюдянки на ст. Утулик Н. Каландаришвили пытался силой захватить подвижной состав, разоружив командовавшего погрузкой в вагоны начальника гарнизона Слюдянки М. Рютина. Стоило больших трудов уговорить Каландаришвили вернуть оружие и продолжить отступление походным порядком (ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 443. Л. 32). В Танхое анархисты погрузились на пароход и отбыли в Верхнеудинск (рис. 7). К этому времени к Каландаришвили примкнули отдельные группы и отряды красногвардейцев, по той или иной причине видевшие в нем наиболее достойного командира. Отряд уже имел мало общего с прежним кавалерийским дивизионом. В дальнейшем это подразделение получило наименование «Особый отряд, действующий в направлении Селенгинска под командованием Каландаришвили» (РГВА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2. Л. 5). Следует отметить, что на фронте до конца оставался эскадрон анархистов Г. Рожко, участвовавший в героическом прорыве через ст. Посольская.

Самовольно отступил в Забайкалье и отряд Ф. Лаврова: «Те же служащие [железнодорожники] рассказывают, что 25–26 июля между большевистским командованием и мадыарами произошла

Рис. 7. Бойцы отряда Н. Каландаришвили (ст. Мысовая, июль 1918 г.)
Fig. 7. The soldiers of the squad N. Kalandarishvili (Mysovaya station, July 1918)

крупная ссора, в результате которой отряд интернационалистов численностью в 500 человек под командой Лаврова отправился в сторону Селенгинска» (Свободный край, 1918. № 48). На самом деле отряд интернационалистов мог насчитывать в это время до 1 500 чел.

Однако и в тылу в Верхнеудинске мадьяры и анархисты продолжили дезорганизовывать местную обстановку. Существует малоизвестная версия о «заговоре анархистов» против Центросибири в августе 1918 г. По воспоминаниям В. Рябикова, Лавров, Караев, Пережогин во главе своих отрядов вынашивали планы захватить золото, вывезенное из Иркутска. Органы советской власти проявляли явную слабость и теряли контроль над ситуацией: «...дошло дело до того, что анархисты Караева отобрали у Центросибири все легковые автомобили, разъезжают без дела по городу, а члены президиума ходят по делам пешком» (Рябиков, 1949. С. 94). Кроме того, ранее, 26 июля неизвестные анархисты разоружили милицию и освободили из

верхнеудинской тюрьмы заключенных (Вестник Советов Прибайкалья, 1918).

Наконец, в августе была предотвращена попытка прямого военного переворота. Подробности известны лишь по одному источнику – воспоминаниям Т.М. Сентарецкого и нуждаются в проверке. По его словам, заговорщики Лавров, Караев, Пережогин, Канторович планировали арестовать руководство Центросибири и Прибайкальского исполкома и объявить военную диктатуру анархистов-интернационалистов. Однако это стало известно большевикам, и они сумели опередить заговорщиков: «...к 7 часам утра в кабинет т. Яковлева были доставлены: Лавров, Караев, Канторович и еще двое, фамилии которых я не помню. Пережогина не нашли, [Каландаришвили отбыл в своем вагоне на фронт – этот фрагмент в публикации 1957 г. вырезан], а Голиков – главком Западного фронта оказался сильно пьян. На вопрос т. Яковлева к прибывшим о наличии заговора, Лавров и Караев вызывающе ответили, что заговор есть, и Лавров схватился за наган, но был сбит с ног и охраной

заговорщики были обезоружены и выведены из кабинета» (ГАРБ. Ф. ВП-69. Оп. 2. Д. 399. Л. 46).

На экстренном секретном заседании президиума Центросибири было решено в целях разрядки создавшегося положения отряды Лаврова и Караева вывести из Верхнеудинска и направить их в район Троицкосавска.

Весь этот «заговор» вызывает сомнения, в частности то, насколько легко удалось доставить в штаб всю верхушку, притом, что за каждым стоял сильный вооруженный отряд. Тем более что ранее не было сил даже обуздать «реквизитора автомобилей» Караева. Да и дальнейшие пути заговорщиков слишком быстро разошлись: Караев, Пережогин, Канторович уехали в Читу и далее на восток, а Лавров и Каландаришвили на юг к монгольской границе.

Троицкосавский финал

В дни решающих боев на Прибайкальском фронте под Мурино и Посольской, где задыхаясь от нехватки подкреплений, попав в полное окружение, гибли в самой ожесточенной и безнадежной борьбе лучшие силы Сибирской Красной армии, в тылу в районе Селенгинска и Троицкосавска находились в бездействии многочисленные хорошо вооруженные части. Самыми крупными из них были отряды Ф. Лаврова и Н. Каландаришвили. Позднее апологетам «легендарного партизана Сибири» пришлось немало потрудиться, чтобы хоть как-то объяснить этот неудобный факт, но современники, причем самые видные большевики, оставили вполне откровенные свидетельства, стыдливо умалчиваемые в советской историографии. Все тот же Д. Шилов писал: «...На противочешском фронте этот отряд [Каландаришвили] был такой же обузой и злом для фронта, как и на Даурском, и был сплавлен командованием фронта в Троицкосавский район, вскоре превратившийся в мусорную яму для отбросов фронта... Было бы оскорблением памяти павших революционных бойцов в 1918 г., если бы мы поставили анархистского вожака 1918 г. выше их в летописях нашей революционной борьбы» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 173. Л. 18). Отметим, что впоследствии так и произошло.

Член Центросибири Л. Клейман (Муллер), лично проезжавший в то время по службе через эту местность, оставил беспристрастные наблюдения, также никогда не публиковавшиеся советскими историками: «...Мы направились в Селенгинск, чтобы связаться с местными работниками и местными военными властями. К этому времени здесь были собраны военные силы, которые состояли из отряда Каландарашвили около 3 тысяч человек, отряд Лаврова, состоявший главным образом из мадьяр – человек 800 и несколько других отрядов, сформировавшихся здесь на месте. Я был поражен, когда встретил здесь довольно многочисленные группы наших ответственных работников. Кроме названных Каландарашвили и Лаврова, здесь находился Сергей Блюменфельд, Третьяков, Рагозин, к ним еще должен был присоединиться Тарасов, который сказал, что остается здесь. Нахождение такой группы военных сил далеко от фронта, от линии ж. д. не вызывалось необходимостью. ...Как я потом узнал, сюда эти силы были стянуты по разным причинам. Так, отряд Лаврова, проиграв сражение западнее Мысовска, проиграв злостно, был снят с фронта и для того, чтобы своим отрядом не мешал, не противодействовал, был направлен сюда для защиты с юга и Селенгинска. Сюда же прибыли с различной целью отдельные группы анархических отрядов, во главе которых стоял Каландарашвили. Они прибыли сюда без ведома центральной власти, нашей власти в Верхнеудинске, причем наши не противодействовали отправке их сюда на юг вследствие того, что отдельные группы своими сепаратными выступлениями в тылу и на фронте мешали нашей борьбе. К этим группам присоединились отдельные небольшие отряды и личности, так или иначе провалившиеся на фронте или дискредитированные. В общем и целом военная сила вокруг Селенгинска выражалась в количестве нескольких тысяч человек, по тем сведениям, которые я имел, количество их доходило до 5 тысяч человек всех отрядов вооруженных – артиллерии, кавалерии, пехоты. Тут же в их распоряжении было несколько пароходов, вооруженных барж, причем 2 баржи были специально нагружены “живым товаром”. Эти женщины несли обязанности сестер милосердия, но главным образом состояли

из лиц легкого поведения, всякого сброда, который частью насильно, частью добровольно последовал за этими отрядами. Обстановка в Селенгинске – пункте, расположенном недалеко от нашего фронта и имеющем политическое и военное значение, была ненормальная...» (ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 803. Л. 6–7).

Части Средне-Сибирского корпуса под командованием А. Пепеляева и восточной группы Чехословацкого корпуса Р. Гайды 16–18 августа 1918 г. провели десантную Посольскую операцию, в результате которой рухнул Прибайкальский фронт. Чехобелые заняли Верхнеудинск и наступали на Читу. Отдельный их отряд был направлен на Троицкосавск. Перед советскими отрядами на этом направлении встал вопрос об их дальнейшей судьбе. В случае прекращения организованных военных действий особенно безнадежной выглядела участь мадьяр, так как они не могли перейти на мирное положение, бесследно смешавшись с местным населением.

Еще в Селенгинске на совещании представителей интернациональных отрядов было решено направить делегацию в Маймачен, чтобы добиться от китайских властей разрешения перейти в Монголию и далее через Китай вернуться на родину. Делегация в составе 5 человек (Форбат, Гараи, Киш, Полгар и Брокер) прибыла в Троицкосавск и обратилась в Совет за пропуском, но получила отказ. По воспоминаниям члена Совета А.Т. Назимова, «...им со всей откровенностью указали на полную невозможность и бессмысленность этой затеи и пропуска не дали. Когда же они сделали попытку проехать без пропуска, их на границе задержали, а при повторном намерении – арестовали. Сопrotивляющегося Брокера мы с Каландаришвили взяли в гостинице. В эту же ночь их осудили. Они перед смертью попросили принять их письменные объяснения. Приговор сняли и заменили его домашним арестом при штабе» (ГАРБ. Ф. ВП-69. Оп. 2. Д. 289. Л. 80).

Нужно сказать, что конфликт между отрядами Ф. Лаврова и Н. Каландаришвили начался раньше, еще на Селенге. Вот как вспоминает об этом черемховец П. Попов, вышедший с группой красногвардейцев через Хамар-Дабан к Селенгинску по

сле разгрома под Посольской: «...Не знаю названия, маленький пароходик приходит за нами и нас забирают. Первое мероприятие, которое нам оказали в отряде Каландаришвили, вернее содействие, то, что нас накормили, дали полную возможность отдохнуть и двинулись в путь, на Кяхту. Лавров со своим отрядом идет пешим порядком, идут на подводах на правом берегу Селенги, тоже на Троицкосавск. Каким-то образом проникают к нам на баржу и вырывают у орудий замки. И нам сразу предъявляют ультиматум – или отдайте пароход, или мы вас потопим. Вы идите на наше место, а мы на ваше. Нужно было держаться дипломатии. У них есть артиллерия, будут бить по нас, они нас потопят. Эта дипломатия шла долгое время, в конце концов, мы доехали до Усть-Кяхты на пароходе...» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 404. Л. 33).

Однако по версии интернационалиста Витмана, Лавров и Каландаришвили разграбили Гусиноозерский дацан и не поделили золото. Якобы Лавров первым забрал 6 пудов золота и обманул своего соперника, что и вызвало конфликт (РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 6. Л. 6).

Как бы там ни было, Каландаришвили первым прибыл в Троицкосавск и лично принял участие в задержании мадьярской делегации. Ему же было поручено выехать навстречу Лаврову и вести с ним переговоры о недопустимости его действий и необходимости объединения перед лицом общего врага. Однако Лавров арестовал самого Каландаришвили и пригрозил расстрелять его, если будут чиниться препятствия намерению отряда уйти в Китай. Ситуация едва не дошла до открытого боевого столкновения.

По свидетельству жены командира черемховского отряда анархиста Д. Третьякова А.П. Третьяковой-Холодовой, «предполагалось разоружить отряд Лаврова в Усть-Кяхте, где находился отряд Каландаришвили с его пароходами и баржами, на которых было 4 орудия, но Лавров с помощью своих агентов снял замки со всех орудий. Третьяков считал разоружение отряда Лаврова нереальным, т. к. в нашем гарнизоне имеется много боеспособных мадьяр, но они не пойдут против мадьяр Лаврова. Третьяков предложил путем переговоров достигнуть соглашения о совместных

действиях против белочехов с целью прорваться на запад навстречу Красной армии. Вопрос о разоружении был снят и отряд Лаврова вошел в Троицкосавск и расположился в Красных казармах, рядом с троицкосавским гарнизоном, где находились штаб дивизии и штаб полка. Начались бесконечные заседания и переговоры» (ГАРБ. Ф. ВП-69. Оп. 2. Д. 444. Л. 9).

В конце августа советское руководство Троицкосавска и командиры отрядов спешно искали выход из создавшегося положения. Члены Центросибиря Я. Янсон, Л. Муллер, К. Волк вели переговоры в Маймачене с китайскими сановниками, чтобы получить убежище в случае угрозы со стороны белогвардейцев. На последнем заседании членов Военно-революционного штаба и Совета под председательством К. Маскова почти сразу было решено, что удержать Троицкосавск не удастся и город следует оставить. Но в вопросе о направлении отступления мнения разошлись. Местные большевики и советские работники считали, что уходить надо на восток, по Хилку и Ингоде на Читку. Однако центросибирцы и большинство командиров настаивали на отступлении на запад, навстречу мифическим частям Красной армии, якобы наступавшим с Урала.

Гораздо острее встал вопрос о судьбе ценностей, реквизированных у богатого купечества, и денежных средств четырех троицкосавских банков. Кроме сомнения в моральном праве изъять эти средства, были также опасения, удастся ли ограбить ценности от посягательств мадьяр-лавровцев и анархистов. Поименным голосованием было решено: от реквизированного имущества отказаться, но изъять всю наличность банков. При этом груз ответственности был настолько велик, что К. Масков едва не застрелился. Однако реализовать задуманное не удалось: «Было уже за полночь. Наскоро перекусив, мы пошли в банк. В домах всюду погасли огни, но по улицам сновали еще люди. Пробегали конные патрули. Около банка толпился кучками народ, они громко что-то выкрикивали. Возле банка около входных дверей стояло два пулемета и несколько вооруженных мадьяр. Они преградили нам путь и требовали удалиться. Вместе с тем не пускали близко к банку и неиз-

вестных нам людей. Нам же ничего не оставалось, как возвратиться и доложить об этом Совету. В Совете порекомендовали взять конвой, но события опережали наши намерения. Нас на каждом шагу останавливали конные патрули лавровцев и требовали пароль...» (ГАРБ. Ф. ВП-69. Оп. 2. Д. 289. Л. 86).

В ночь на 28 августа 1918 г. в Троицкосавске произошел переворот. В отряде интернационалистов произошла смена власти. К руководству пришли командиры, решившие прекратить вооруженную борьбу, такие как Форбат, Унгар и др. Мадыяры начали снимать советские посты и выставлять свои. Ф. Лавров, опасаясь ареста, с маленькой группой в 12 мадьяр покинул свой отряд. К этому времени почти все советские отряды ушли в сторону Усть-Кяхты. Утром на небольших голубеньких листках горожане читали обращение: «Граждане! Мы, военнопленные иностранцы, взяли город Троицкосавск в свои руки. Отныне мы гарантируем всем гражданам личную и имущественную безопасность. Не желая проливать бесполезную кровь, мы ведем мирные переговоры. Мы просим Вас, граждане, иметь к нам доверие и сохранять полное спокойствие» (ГАРБ. Ф. ВП-69. Оп. 2. Д. 289. Л. 80).

Содержавшаяся под домашним арестом делегация во главе с Форбатом выехала в Маймачен и начала переговоры о дальнейшей судьбе отряда. Мадыяры хотели заявить о нейтралитете, сложить оружие и покинуть Россию через Монголию и Китай, но представители китайской стороны и белогвардейцев в Маймачене соглашались с ними лишь при условии, что мадыяры помогут свергнуть советскую власть в Троицкосавске, и интернационалисты приняли эти условия, являвшиеся, по сути, предательством.

С 30 августа открылось собрание бывших гласных Городской думы, занявшееся устройством новой власти. Была создана следственная комиссия по установлению лиц, причастных к деятельности большевиков. Патрули мадьяр во главе с представителями комиссии начали аресты советских работников и большевиков, оставшихся в городе. В течение 2–3 дней было арестовано до 300 чел. Их заключили в Красные казармы в корпусе военной гауптвахты. Режим заключения был не строгим, арестованные свободно гуляли во дворе корпуса,

перемешавшись с охранявшим их караулом. Мадыры, поставив ружья в пирамиды, спорили с арестантами, уверяя, что скоро их всех отпустят.

В начале сентября 1918 г. в Троицкосавск вошли части чехобелых – 1-й Енисейский полк во главе с Б. Зиневичем и 1-й батальон 6-го Ганацкого полка. Одновременно из Маймачена прибыл Ургинский отряд белогвардейцев. Состоятельные горожане встречали их с восторгом, как освободителей от комиссаров и большевиков.

В Красных казармах мадырский караул сменился караулом от Ургинского отряда. Самых мадыр разоружили и также поместили под стражу. Вскоре у них стали отбирать личные вещи, а затем и подвергать телесным наказаниям. Возмущенные командиры интернационалистов Форбат, Гараи, Киш, находившиеся еще на свободе, обратились в белогвардейский штаб и предъявили заключенный в Маймачене договор, но начальник штаба разорвал его на клочки и бросил в лицо Форбату со словами: «Соберите эти клочки, они вам еще пригодятся, когда вы пойдете в уборную» (ГАРБ. Ф. ВП-69. Оп. 2. Д. 367. Л. 17).

Если наивные вожди мадыр действительно верили, что их простят и позволят вернуться на родину, то их ждало жестокое разочарование. Их тут же арестовали и посадили под стражу. Впрочем, судьба абсолютного большинства членов отряда Лаврова была не столь трагична, как участь их командиров, расстрелянных Форбата, Унгара и некоторых др. В советской историографии даже сложился миф о 1 000 расстрелянных мадырах, но историк П.А. Новиков первым усомнился в его достоверности (Новиков, 2005. С. 94). Действительно, согласно газетным сообщениям, «на пароходах “Таразан”, “Бурят” и на баржах при конвоире “Сибиряке” отправлено из Усть-Кяхты в Верхнеудинск 1 130 мадыр, сдавшихся в плен» (Дело, 1918).

Тем временем все, кто не пожелал сложить оружие и был готов продолжить борьбу, еще 27 августа покинули Троицкосавск и направились на запад. Они избрали своим командиром Н. Каландаришвили. Общее количество бойцов в начальный период могло достигать 1 500–2 000 чел. К середине сентября по белогвардейским сводкам отряд насчитывал около 1 000 пехо-

ты и 300 кавалеристов. Сводный отряд в Усть-Кяхте переправился через Селенгу и ушел в Джидинскую долину.

Судьба же бывшего командира 1-го Омского батальона сложилась трагически. Ф. Лавров из Троицкосавска также направился в долину Джиды, но порвав с мадырами, он так и не смог помириться с Каландаришвили и его соратниками. Его уже твердо клеймили «предателем» и сделали козлом отпущения за все неудачи и поражения. Именно отсюда берут корни все поздние воспоминания красновардейцев об измене Лаврова, начиная с Нижнеудинского фронта. Бежать ему было некуда. Вскоре около села Торей (или у села Енхор) Лаврова задержали местные крестьяне: «Пахали отец и сын, видят, что кто-то ползет по меже. Старик у него спрашивает: “Кто ты такой? Я тебя застрелю”, а тот на него. Но в это время подошел сын с винтовкой и тот уже не мог стрелять. Закричали ему “руки вверх” и в каталажку увели, так и не зная, что это за человек. Потом он провел там собрание, крестьяне думали, что он большевик, хотели его отпустить, но как раз наша разведка подоспела. Они говорят: “посмотрите, кого-то мы задержали, чуть ли не вашего, извините”. Наши приходят и видят, что это Лавров...» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 548. Л. 62).

Существует несколько версий гибели Ф. Лаврова. По одной из них, его убили свои же мадыры (ГАРБ. Ф. ВП-69. Оп. 2. Д. 367. Л. 12), но более правдоподобной выглядит версия интернационалистов Витмана и Ш. Кереши. По их воспоминаниям, сначала было решено везти Лаврова с собой, чтобы в дальнейшем предать его суду. Причем «артиллеристы хотели Лаврова расстрелять, но Каландаришвили говорил, что его не нужно расстреливать, так как он революционер» (РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 6. Л. 10). Однако, некоторое время спустя, артиллеристы все же рассчитались со своим обидчиком за снятые когда-то оружейные замки. Где-то близ монгольской границы, по словам Ш. Кереши, «командир артиллерии тов. Иванов при переходе через речку убил Лаврова за предательство» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 566. Л. 68).

Каландаришвили предстояли еще годы испытаний и борьбы. Впереди его ждал героический 1 000-верстный поход через Монголию в пределы Иркутской губернии.

Заключение

В бурных потоках смутного времени, безвластия, гражданского раскола и войны сильные, яркие, харизматичные личности всегда возносятся на «гребень волны». Так всегда было и будет.

Удивляет, как самый недисциплинированный, самый самостийный, не признающий власти верховного командования, окруживший себя отчаянной лично преданной «разбойничьей вольницей», как такой человек смог стать одним из главных героев Гражданской войны в Сибири?

Отрицательную, разгромную характеристику деятельности Н. Каландаришвили в 1918 г. (и даже в 1919–1920 гг.) дают видные большевики и краскомы Д. Шилов, К. Байкалов-Некунде, Л. Муллер-Клейман, А. Мюллер, В. Манторов. Защищали своего командира только члены его отряда. Тем не менее, писатель В.Е. Кожевин создал образ героя-революционера, перерождающегося в борьбе и лишениях из анархиста в истинного большевика-ленинца.

Впрочем, фигура Каландаришвили действительно сложная, опутанная множеством противоречивых оценок. Его дореволюционная жизнь мало известна. В период тяжелейшего поражения и падения советской власти Каландаришвили – один из немногих командиров, кто сохранил свой отряд и до конца вел боевые действия. Он совершил тяжелейший поход через Монголию и горные ущелья Восточных Саян, скрылся от преследователей, не сдался и продолжил борьбу. На нем было мало

крови, в том смысле, что на фоне других партизанских отрядов, он крайне редко казнил политических противников. Сохранилось очень много воспоминаний о доброте и участии Н. Каландаришвили к простому народу (то угощает сахаром детей, то поможет женщине мукой). Что это? Популизм, бравада или чувство справедливости, искреннее сочувствие идеалиста к нуждам бедноты?

Лавров – один из сотен или тысяч прапорщиков, ставших во главе моря серых шинелей, сбросивших власть Временного правительства в 1917 г. Воля случая вознесла его в ряды руководства бывшего Омского военного округа. Прибыв во главе 1-го Омского международного отряда в Забайкалье, он, будучи очень амбициозным человеком, считал себя достойным более высокого поста. При этом он был очень рачительным командиром. Его отряд всегда прекрасно снабжен и вооружен, но при этом он редко был готов делиться имуществом с другими. Единоличность и честолюбие довели его даже до ревтрибунала. С воодушевлением Ф. Лавров принял назначение командующим Нижнеудинским фронтом, сделал все зависящее от него, чтобы одержать победу, но проиграл. Проиграл по объективным причинам. Конфликты с командованием и другими командирами породили слухи о его «измене». Оказавшись в безвыходной ситуации в Троицкосавске, Ф. Лавров все же не пошел на предательство, как другие командиры интернационалистов, он пытался скрыться, но стал жертвой самосуда красноармейцев.

Такова непростая судьба участников Гражданской войны. Они сражались и гибли, и порой не так, как положено героям. В их жизни было место и подвигу, и слабости, они были всего лишь люди.

Библиографический список

Байбородина М. Вспоминает П.К. Голубков // Сибирь. 1977. № 5. С. 138–141.

Баталов А.Н. Борьба большевиков за армию в Сибири 1916 – февр. 1918. Новосибирск: Наука, 1978. 285 с.

Вестник Советов Прибайкалья. Верхнеудинск, 1918. № 21.

Власть труда. Иркутск, 1918. № 20.

References

Baiborodina M. Recalls P.K. Golubkov. *Sibir` [Siberia]*, 1977, no. 5, pp. 138–141. (In Russian).

Batalov A.N. *Bor`ba bol`sheviki za armiyu v Sibiri 1916 – fevr. 1918* [The struggle of the Bolsheviks for the army in Siberia 1916 – February, 1918]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978, 285 p. (In Russian).

Vestnik Sovetov Pribaikal`ya [Bulletin of the Soviets of the Baikal region]. Verkhneudinsk, 1918, no. 21. (In Russian).

Vlast` truda [The power of labor]. Irkutsk, 1918,

- Власть труда. Иркутск, 1918. № 29.
- Власть труда. Иркутск, 1918. № 65.
- Власть труда. Иркутск, 1918. № 106.
- Дело. Иркутск, 1918. № 29.
Известия Сибирского военного комиссариата. Иркутск, 1918. № 1.
- Иркутская жизнь. 1918. № 3.
- Иркутские дни. 1918. № 24.
Кожевин В.Е. Легендарный партизан Сибири: Н.А. Каландаришвили. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. 215 с.
- Новая Сибирь. Иркутск, 1918. № 9.
- Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.
- Новиков П., Романов А. Заготовка жёрнова на собственную шею // Родина. 2011. № 2. С. 98–102.
- Патрикеев С.Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. В 14 т. Т. 12. М., 2014. 896 с.
- Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 307 с.
- Рябиков В.В. Центросибирь: ЦИК Советов Сибири. 1917–1918 гг. Новосибирск: Новосибирское государственное областное издательство, 1949. 254 с.
- Свободная Сибирь. Красноярск, 1917. № 187.
- Свободная Сибирь. Красноярск, 1917. № 200.
- Свободный край. Иркутск, 1918. № 18.
- Свободный край. Иркутск, 1918. № 32.
- Свободный край. Иркутск, 1918. № 48.
- Серебренников И.И. Гражданская война в России: великий отход. М.: АСТ: Ермак, 2003. 695 с.
- Сибирская рабоче-крестьянская газета. Иркутск, 1918. 23 марта.
- Сибирь. Иркутск, 1918. № 16.
- no. 20. (In Russian).
Vlast` truda [The power of labor]. Irkutsk, 1918, no. 29. (In Russian).
- Vlast` truda* [The power of labor]. Irkutsk, 1918, no. 65. (In Russian).
- Vlast` truda* [The power of labor]. Irkutsk, 1918, no. 106. (In Russian).
- Delo* [A business]. Irkutsk, 1918, no. 29. (In Russian).
Izvestiya Sibirskogo voennogo komissariata [News of the Siberian Military Commissariat]. Irkutsk, 1918, no. 1. (In Russian).
- Irkutskaya zhizn`* [Irkutsk Life], 1918, no. 3. (In Russian).
- Irkutskie dni* [Irkutsk days], 1918, no. 24. (In Russian).
Kozhevina V.E. *Legendarnyi partisan Sibiri: N.A. Kalandarishvili* [The legendary partisan of Siberia: N.A. Kalandarishvili]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1971, 215 p. (In Russian).
- Novaya Sibir`* [New Siberia]. Irkutsk, 1918, no. 9. (In Russian).
- Novikov P.A. *Grazhdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [The Civil War in Eastern Siberia]. Moscow: Tsentropoligraf Publ., 2005, 415 p. (In Russian).
- Novikov P., Romanov A. Getting the millstone to your own neck. *Rodina* [Homeland], 2011, no. 2, pp. 98–102. (In Russian).
- Patrikeev S.B. *Svodnye spiski kavalerov Georgievskogo kresta 1914–1922 gg.* [Consolidated lists of the Knights of the St. George Cross in 1914–1922]. In 14 vol. Vol 12. Moscow, 2014, 896 p. (In Russian).
- Poznanskii V.S. *Ocherki istorii vooruzhennoi bor`by sovetov Sibiri s kontrrevolyutsiei v 1917–1918 gg.* [Essays on the history of the armed struggle of the Soviets of Siberia with counterrevolution in 1917–1918]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1973, 307 p. (In Russian).
- Ryabikov V.V. *Tsentrosibir`: TSIK Sovetov Sibiri. 1917–1918 gg.* [Centrosibir: CIK of the Soviets of Siberia]. Novosibirsk: Novosibirskoe gosudarstvennoe oblastnoe izdatel'stvo Publ., 1949, 254 p. (In Russian).
- Svobodnaya Sibir`* [Free Siberia]. Krasnoyarsk, 1917, no. 187. (In Russian).
- Svobodnaya Sibir`* [Free Siberia]. Krasnoyarsk, 1917, no. 200. (In Russian).
- Svobodnyi krai* [Free Province]. Irkutsk, 1918, no. 18. (In Russian).
- Svobodnyi krai* [Free Province]. Irkutsk, 1918, no. 32. (In Russian).
- Svobodnyi krai* [Free Province]. Irkutsk, 1918, no. 48. (In Russian).
- Serebrennikov I.I. *Grazhdanskaya voina v Rossii: velikii otkhod* [Civil war in Russia: a great departure]. Moscow: AST: Ermak Publ., 2003, 695 p. (In Russian).
- Sibirskaya raboche-krest'yanskaya gazeta. Irkutsk* [Siberian workers 'and peasants' newspaper], 1918, 23 March. (In Russian).
- Sibir`* [Siberia]. Irkutsk, 1918, no. 16. (In Russian).

Сысоев А.А. Золото и серебро для чеканки предполагает получать посредством грабежей (штрихи к портрету будущего красного партизана) // *Земля Иркутская: науч.-попул. иллюстрир. журн.*, 2008. № 2 (35). С. 98–100.

Церетелли М.В. Народный герой Нестор Каландаршвили: воспоминание соратника. Тбилиси: Литература до хеловнеба, 1965. 143 с.

Штырбул А.А. Пережогин, Караев, Лавров и другие: анархо-партизанщина в Сибири в начальный период Гражданской войны (весна – лето 1918 г.) // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сб. ст. и матер. М.:АИРО-XXI, 2015. С. 61–81.

Критерии авторства

Хипхенов Г.И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Хипхенов Геннадий Исакович,
независимый исследователь, инженер-технолог светопрозрачных конструкций,
ООО «Компания Fenster»,
664035, Российская Федерация, г. Иркутск,
ул. Сурнова, 30,
e-mail: halifat76@mail.ru

Sysoev A.A. Gold and silver for the coinage is to be obtained by means of robberies (strokes to the portrait of the future red partisan). *Zemlya Irkutskaya: nauchno-populyarnyi illyustrirovannyi zhurnal* [Irkutsk Land: popular science illustrated magazine], 2008, no. 2 (35), pp. 98–100. (In Russian).

Tseretelli M.V. *Narodnyi geroi Nestor Kalandarishvili: vospominanie soratnika* [National hero Nestor Kalandarishvili: the memory of a colleague]. Tbilisi: Literatura do khelovneba Publ., 1965, 143 p. (In Russian).

Shtyrbul A.A. *Perezhogin, Karaev, Lavrov i drugie: anarkho-partizanshchina v Sibiri v nachal'nyi period Grazhdanskoi voiny (vesna – leto 1918 g.)* [Perezhogin, Karaev, Lavrov and others: anarcho-partisanship in Siberia during the initial period of the Civil War (spring – summer 1918)]. *"Atamanshchina" i "partizanshchina" v Grazhdanskoi voine: ideologiya, voennoe uchastie, kadry* ["Atamanshchina" and "partisanship" in the Civil War: ideology, military participation, cadres]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2015, pp. 61–81. (In Russian).

Attribution criteria

Hiphenov G.I. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Information about the author

Gennadii I. Hiphenov,
Independent researcher, Engineer-technologist of translucent constructions,
ООО "Kompania Fenster",
30 Surnova Str., Irkutsk, 664035, Russian Federation,
e-mail: halifat76@mail.ru